

Цинь Чаншэн сначала сидела на тутовом дереве, потом почувствовала усталость. Обхватив колени, она прислонилась к стволу и зевнула. После недавнего испуга она вся вспотела, а теперь, расслабившись, её стало клонить в сон.

Она положила голову на развилку ветвей, убедившись, что не упадёт, и закрыла глаза, мысленно наказав себе вздремнуть лишь на минутку.

Ей ещё предстояло уйти отсюда, нужно было лишь немного отдохнуть и сразу проснуться.

Вдруг Цинь Чаншэн вздрогнула.

Призрачные тени впереди уже давно исчезли. Костёр по-прежнему горел, а под огромным бронзовым треножником языки пламени жадно лизали его края.

Цинь Чаншэн с удивлением посмотрела на себя — она не поняла, как оказалась перед этим котлом.

Огонь пылал. Поглядев на треножник высотой почти в человеческий рост, она после минутного колебания сделала два шага вперёд.

Увы, котёл был слишком высок.

Даже встав на цыпочки и изо всех сил вытянувшись, она всё равно не могла разглядеть, что же в нём варят.

Цинь Чаншэн в разочаровании отступила, но сдаваться не хотелось. Пройдя несколько шагов, она вдруг присела, подняла с земли камешек и швырнула его в бронзовый котёл.

Она и сама не знала, зачем это делает.

Перед её глазами камень со звоном ударился о котёл, и тот разлетелся на куски.

Из треножника не поднялось ни клуба пара, а на огромных осколках, рассыпавшихся по земле, не было и намёка на влагу.

Цинь Чаншэн замерла на месте, нахмурившись.

Осколки разлетелись в стороны. Она подняла взгляд и увидела в пламени, как из разбитого котла выкатился человек и рухнул в огненное море.

На том была белая одежда, тело испарялось, обнажая гниющие мышцы, обугленные конечности и белеющие кости. Казалось, это была женщина. Длинные волосы мгновенно обратились в пепел, а на лице красовалась каменная маска без единой черты. Едва выкатившись из котла, одежда на женщине вспыхнула, и она, словно обугленное полено, подкатилась к самым ногам Цинь Чаншэн.

Та смотрела на неё в оцепенении.

Под сероватой маской всё тело женщины ниже шеи уже обгорело, смерть наступила давно. Видимо, её долго томили в этом котле, и лишь теперь, когда он разбился, она вырвалась наружу.

Цинь Чаншэн, не отрываясь, смотрела на неё, затем наклонилась.

Она протянула руку и сняла маску, на мгновение остолбенеv и даже не почувствовав жара.

Она не заметила, как от раскалённой маски на её пальце вскочил волдырь.

Под маской оказалось бледное, давно умершее лицо.

Единственный участок кожи на всём теле этой женщины, что не пострадал в пылавшем бронзовом котле.

Цинь Чаншэн смотрела на него, и каменная маска рассыпалась у неё в руках.

Это лицо она видела в зеркале бессчётное количество раз, с утра до вечера, изо дня в день.

В этот миг оно показалось ей до того знакомым, что даже стало чужим.

Это была она сама.

Лицо Цинь Чаншэн.

Белый потолок, белые простыни, белая капельница, белый халат медсестры, жёлтый катетер на тыльной стороне ладони и прозрачная жидкость, тонкой струйкой бегущая по трубке.

За шторкой соседняя палата была пуста. Юй Инь лежала на больничной койке, слушая ровный гул кардиомонитора и электрокардиографа, и от скуки постукивала пальцами по мягкому матрасу.

Рядом с кроватью стройными рядами выстроились приборы, готовые в любой момент подстегнуть её замирающее сердце. Тело было опутано дыхательными трубками, и вселившаяся в него Сиши ощущала досадную скованность, но вскоре её бдительность и напряжение постепенно растаяли в тишине и кажущейся абсолютной безопасности.

В палату интенсивной терапии запрещалось входить посторонним, даже родственникам нелегко было получить разрешение на свидание. Хотя мать этой девушки обладала властью и влиянием и добилась для неё отдельной палаты в реанимации, переведя остальных пациентов в другие помещения.

Госпожа Юй, истовая в своей материнской любви, смотрела на Юй Инь через стекло, рыдая без удержу. Чтобы избежать инфекции и обеспечить пациентке покой, её, обливаясь слезами, попросили покинуть реанимацию, как только истекли положенные пять минут посещения.

Это тело было безнадёжно разрушено.

В момент падения с утёса она поняла — оно безнадёжно.

С тех пор как Сиши решила покинуть вершину горы Цзи и в одиночестве скиталась по её Призрачному лесу, прошло немало времени, прежде чем ей удалось найти подходящее тело для вселения.

Внешний мир изменился до неузнаваемости, разительно отличаясь от прошлого, что хранила её память. Предыдущее тело, Юй Минмин, возможно, не подходило для паразитирования — каждый день ей приходилось терпеть мучительные приступы отторжения. В порыве гнева, чтобы накопить больше сил для борьбы с сопротивлением изначальной хозяйки тела, она заставляла Юй Минмин поглощать вдвое больше обычной пищи, дабы сохранить этот сосуд, не дать ему слишком скоро прийти в негодность.

Но вскоре тело Юй Минмин всё равно начало сдавать.

Сиши, тревожась, но не подавая виду, принялась высматривать новую цель. Она жаждала обрести тело, что идеально сольётся с ней, тело без уродств и увечий, чтобы жить в этом мире открыто.

И ещё... найти...

Из центра мониторинга можно было наблюдать за любой из палат.

Госпожа Юй стояла с красными глазами. Эта властная деловая женщина была по-прежнему одета в чёрный костюм, на ногах — грубые чёрные туфли на низком каблуке, чулки под разрезом юбки сидели небрежно, собираясь складками даже на коленях.

В обычные дни такая неаккуратность, подобная оплошность были бы совершенно немислимы.

— Состояние мисс Юй весьма необычно, но шансы на восстановление очень высоки, госпожа Юй. Не волнуйтесь, жизни вашей дочери ничто не угрожает. Вертолёт, который направила ваша семья, прибыл вовремя, и ноги мы непременно срastим. Возможно, останутся некоторые последствия, но если не присматриваться, они будут незаметны.

Госпожа Юй задрала голову, пытаясь сдержать слёзы. На экране компьютера перед ней Юй Инь лежала на койке, половина лица была туго забинтована, ноги подвешены, обернуты белыми бинтами и гипсом.

Казалось, она спала, но на её лице застыло выражение, близкое к мучительному, словно боль просачивалась из самого сна, и от этого сердце матери сжималось от острой боли.

Увидев её, госпожа Юй, сама не поняв как, снова не смогла сдержать слёзы, хлынувших вопреки всем усилиям.

Её единственная дочь, её плоть и кровь, которую она с детства не слишком строго воспитывала, позволив мужу взрастить в ней упрямый нрав.

В детстве та ещё побаивалась её, но, повзрослев, научилась пререкаться и бунтовать. Во время гаокао Юй Инь, поссорившись с матерью, отказалась поступать в предназначенный ей вуз и сбежала в какой-то безвестный университет. Позже, после долгих уговоров, дочь наконец согласилась уехать учиться за границу, как того хотела мать.

Юй Инь была единственным ребёнком, с младенчества избалованным отцом. Её отец был «образованным молодёжным кадром», сосланным в деревню, потом его взяли в семью Юй в качестве зятя. Он был красив и происходил из безупречной семьи, чем снискал расположение старого господина Юй.

Обычно она сама была поглощена работой, а муж занимался домом, лелея Юй Инь как зеницу ока, никогда не повышая на неё голос и не говоря ни единого грубого слова.

И вот, как раз когда Юй Инь собиралась уезжать за границу, случилось это: её соседка по комнате умерла, а сама она начала заговариваться, перестала что-либо помнить, на расспросы не отвечала.

Сначала госпожа Юй решила, что дочь наткнулась на что-то нечистое — смерть той Юй Минмин была уж очень странной. Она подозревала неладное и боялась, что Юй Инь, заточив

себя в комнате, сойдёт с ума. Допрашивая её снова и снова, она в конце концов бросила фразу, что сама во всём разберётся.

Может, именно эти слова заставили Юй Инь запаниковать, взбежать на гору Цзи и получить такие страшные травмы, сорвавшись с утёса, чтобы теперь лежать здесь, ни на человека не похожая, ни на призрака?

<http://bllate.org/book/16269/1464371>